

91902.6
А-И-56

на книгу
С. П. Рыгорова

Т 6884
15/4 1911

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ

ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВЪЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ

И. А. ЛИННИЧЕНКА И В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

№ 6.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. П. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1895

БИБЛИОТЕКА
№ 663

ОБЕД

СОДЕРЖАНІЕ № 6.

	<i>Стр.</i>
I. В. Сизовъ. О происхожденіи и характерѣ курганныхъ височныхъ колець преимущественно т. н. Московскаго типа.	177
II. Д. Анучинъ. Слѣды бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ по раскопкамъ Ф. Д. Нефедова	188
III. Я. Смирновъ. Первый международный съѣздъ археологовъ въ Сплѣтѣ (Spalato).	196
IV. Археологическая хроника	223
V. Библиографія.	227

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

- Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.
- Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.
- Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.
- Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлиси. Два тома. Ц. 15 р.
- Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.
- Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.
- Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.
- Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.
- Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 8 р.
- Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:
 - Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
 - " II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
 - " III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.
 - Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
 - " V, 1885 г. Ц. 6 р.
 - " VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
 - " VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
 - " VIII, 1870 г. Ц. 8 р.
- Приложеніе къ VIII тому:

Пятый Археологическій Съѣздъ. Труды предварительнаго Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.

- Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
- " X, 1885 г. Ц. 8 р.
- " XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
- " XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
- " XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
- " XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
- " XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.
- Древности Восточныя. Томъ I, Ц. 12 р.
- Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г. Ц. 4 р.
- " Т. I, 2 выпускъ 1891 г. Ц. 4 р.
- " Т. I, 3 выпускъ 1893 г. Ц. 4 р.
- Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.
- Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.
- Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.
- Уступка гг. членамъ Общества 200^о, библиотекамъ учебныхъ заведеній — 250^о, книгопродавцамъ — 300^о.

Изданія графа Уварова:

- Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.
- Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).
- Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова.

902.6
И. 56

902.6
Т 6884
157-197

№ 6

1895 г.

1663

К

ДЕЛЫ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

I.

О происхожденіи и характерѣ курганныхъ височныхъ колець и преимущественно т. н. московскаго типа.

(Археологическій этюдъ).

Въ области нашей курганной археологіи можно замѣтить съ одной стороны стремленіе къ широкимъ этническимъ обобщеніямъ, часто основаннымъ только на нѣкоторыхъ признакахъ погребальнаго обряда, безъ ясной связи съ инвентаремъ кургановъ, а съ другой стороны—отсутствіе установившихся прочно хронологическихъ опредѣленій инвентаря кургановъ—во всемъ разнообразіи его археологическаго матеріала. Между тѣмъ детальная научная разработка этого матеріала инвентаря можетъ дать прочныя основы для хронологическаго опредѣленія самыхъ кургановъ и встрѣчаемыхъ въ нихъ погребальныхъ обрядовъ. Для хронологіи кургановъ и могильниковъ до сихъ поръ археологи главнымъ образомъ опираются на монеты, но извѣстно, что находки монетъ въ курганахъ вообще чрезвычайно рѣдки; причемъ находимыя монеты—привѣски часто сами по себѣ имѣютъ гораздо большую древность, чѣмъ

Российскій Восточнаго
и Природнаго Истории
Библиотека

насыпка кургановъ, въ которыхъ онѣ найдены, а потому эти монеты сами требуютъ провѣрки посредствомъ другихъ, съ ними найденныхъ, вещей.

Монеты, когда онѣ встрѣчаются въ курганахъ какъ монеты, а не служатъ украшеніемъ, могутъ имѣть весьма важное, рѣшающее, значеніе въ опредѣленіи хронологической даты кургановъ; однако крайняя рѣдкость такихъ находокъ, въ особенности въ курганахъ съ погребеніемъ, не можетъ содѣйствовать широкой и успѣшной классификаціи могильниковъ: эти монеты могутъ представлять только точку отправления для опредѣленія курганныхъ древностей и вообще служить для нихъ лишь провѣркой. Наша археологическая наука въ области изученія кургановъ славянской эпохи должна дѣлать свои хронологическіе и этническіе выводы не только на основаніи монетъ, но главнымъ образомъ на основаніи всего курганнаго инвентаря, представляющаго вообще самый богатый археологическій матеріалъ, даже и помимо находки монетъ. Намъ кажется, что только такой методъ опредѣленій можетъ установить прочную чисто-археологическую почву для широкой классификаціи нашихъ могильниковъ.

Детальная разработка характерныхъ вещей могильника дастъ возможность ввести массу новаго археологическаго матеріала для классификаціи могиль, а между тѣмъ достаточное вниманіе къ этому матеріалу у нѣкоторыхъ археологовъ до сихъ не пользуется еще правомъ гражданства; у другихъ-же встрѣчается тенденція придавать слишкомъ большое значеніе случайнымъ фактамъ, представляющимъ— въ силу самой случайности—какъ бы противорѣчіе съ общимъ характернымъ явленіемъ. Но при изслѣдованіи памятниковъ прошедшей жизни нельзя, намъ кажется, не имѣть въ виду возможности случайныхъ явленій, тамъ какъ онѣ всегда, во всѣ времена, встрѣчаются въ жизни. Задача археологической науки, между прочимъ, и состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего отдѣлать это случайное отъ постояннаго и характернаго и только на фактахъ послѣдняго рода строить свои обобщенія и выводы, а факты случайные принимать какъ матеріалъ для иного рода выводовъ, какъ напр. для уясненія иноземныхъ вліяній, торговыхъ сношеній и т. п.

Въ настоящее время при наличности уже собраннаго археологическаго матеріала изъ кургановъ центральной и сѣверо-восточной Россіи намъ кажется возможнымъ приступить къ выясненію наиболѣе характерныхъ частей курганнаго инвентаря; предположенный нами рядъ такого рода задачъ мы ставимъ въ скромныя рамки „этюдовъ“, не желая увлекаться въ нашемъ изложеніи полнотою матеріала, которая можетъ явиться и впослѣдствіи.

1880 г. 11 апр. 1880 г. 11 апр. 1880 г. 11 апр.

На первый раз мы ограничимся попыткой опредѣлить происхождение, хронологическую послѣдовательность и этнической характеръ женскихъ курганныхъ украшеній, извѣстныхъ подъ названіемъ „височныхъ колець“—и преимущественно семилепестнаго т. н. „московскаго“ типа.

Какъ извѣстно, въ древнѣйшій языческой періодъ нашей исторіи предметы арабской индустріи, преимущественно предметы изъ серебра, относящіеся къ разряду украшеній, чрезъ посредство болгаръ камскихъ проникали въ центральную и сѣверо-западную Россію въ весьма значительномъ количествѣ, вмѣстѣ съ арабскими монетами — диргемами, наибольшее количество которыхъ относится къ IX—X вв.

Къ X-му вѣку относится и богатый гнѣздовскій кладъ, состоящій изъ разнообразныхъ серебряныхъ украшеній, дающихъ прекрасный матеріалъ для знакомства съ арабской техникой серебряныхъ издѣлій того времени. Среди разнообразныхъ привѣсокъ этого клада мы встрѣчаемъ привѣску, называемую обыкновенно „лунницей“, потому что она представляетъ стилизованное изображеніе луны во время новолунія. Фототипическія изображенія двухъ подобныхъ лунницъ въ натур. величину мы представляемъ на приложенной таблицѣ фот. 1-2; оригиналы ихъ находится въ Истор. музеѣ и происходятъ изъ Гнѣздова, также какъ и диргема, относящіеся къ X-му вѣку. Обѣ изображенныя лунницы представляютъ намъ самыя яркія черты характерной арабской техники въ издѣліяхъ этого рода: поверхность серебряной пластинки, укрѣпленной сзади двумя поперечными ребрами, для прочности, украшена съ лицевой стороны крупными шипами и узоромъ изъ зерни, образующей входящіе углы, а въ меньшей—по сторонамъ угла параллельныя линіи. Какъ и теперь еще на Кавказѣ, у восточныхъ мастеровъ этотъ узоръ изъ зерни достигается припайкой, посредствомъ пояльной трубки, каждого зернышка на гладкую поверхность серебряной пластинки; благодаря навыку такое укрѣпленіе зернышекъ производится весьма быстро. Вообще такая мастерская техника украшаетъ металлическія арабскія издѣлія, найденныя въ разное время на почвѣ Россіи и относящіеся ко времени отъ X—XIII в. и даже позднѣе.

Но всѣ эти арабскія издѣлія относятся къ украшеніямъ высшихъ классовъ общества, какъ украшения привозныя, заморскія, сдѣланныя притомъ изъ дорогаго металла; въ народной же массѣ эти арабскія серебряныя издѣлія не могли имѣть распространенности, и дѣйствительно не имѣли, такъ какъ ихъ не находятъ въ нашихъ обыкновенныхъ могильникахъ, бѣдныхъ вообще благородными металлами; находки этого рода существуютъ лишь какъ исключенія. Однако съ теченіемъ времени эта завезенная съ востока лунница дѣлается излюбленнымъ украшеніемъ

или привѣской на женскихъ ожерельяхъ или монистахъ, находимыхъ въ нашихъ курганахъ, древность которыхъ можно опредѣлить концомъ X и главнымъ образомъ XI ст. Замѣтимъ кстати, что въ бѣдныхъ курганахъ съ трупосоженіемъ народный типъ лунницъ не встрѣчается. Время распространенности лунницъ совпадаетъ съ появленіемъ новаго сплавнаго металла, замѣнившего для массы въ эту эпоху серебро арабскихъ издѣлій.

Такимъ образомъ благодаря дешевому металлу, замѣнившему серебро, формы привезенныхъ украшеній, составлявшихъ достояніе высшихъ слоевъ древняго русскаго общества, распространяются въ массѣ народа и такъ сказать демократизируются, но вмѣстѣ съ тѣмъ и утрачиваютъ первоначальную арабскую технику: такъ вмѣсто припайки отдѣльно каждаго зернышка здѣсь стали отливать цѣликомъ цѣлую лунницу съ рельефными дорожками, едва сохранившими намеки на прежнія зерна. Такое измѣненіе весьма легко замѣтить изъ сравненія двухъ упомянутыхъ арабскихъ лунницъ (фот. 1 и 2) съ лунницами изъ дешеваго сплавнаго металла (фот. 3 и 4). Нетолько новый металлъ, способный лишь къ отливкѣ, но и самое мастерство, производившееся на русской почвѣ могло содѣйствовать упрощенію и ухудшенію иноземной техники. На возможность туземнаго производства подобныхъ украшеній указываетъ, между прочимъ, привѣска (фот. 5), гдѣ фонъ остался мѣстами не пропиленнымъ.

Подобнаго рода измѣненія арабской техники можно наблюдать и въ пронизкахъ оливковой формы, отлитыхъ изъ того же сплавнаго металла и находимыхъ обыкновенно въ курганахъ XI ст., причемъ можно замѣтить, что эти бусы или пронизки составлялись изъ двухъ отлитыхъ половинокъ, находимыхъ обыкновенно отдѣльно—вслѣдствіе ихъ плохой спайки. Вообще, по многимъ вещамъ можно замѣтить, что умѣлая спайка трудно давалась нашимъ древнимъ мастерамъ.

Обращаясь затѣмъ къ височнымъ кольцамъ семизубчатаго и семилепестнаго типа мы должны замѣтить, что здѣсь намъ приходится встрѣчаться нетолько съ подобными измѣненіями техники, но и съ эволюціей формы ихъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ височнымъ кольцамъ т. н. московскаго типа.

Прежде всего замѣтимъ, что височныя кольца въ курганахъ съ трупосоженіемъ не встрѣчаются—по крайней мѣрѣ мы не знаемъ примѣровъ; напротивъ въ курганахъ съ обыкновеннымъ погребеніемъ, иногда датированныхъ монетами XI в.,—онѣ встрѣчаются въ большомъ изобиліи и притомъ съ разнообразіемъ типовъ. Если исходной точкой изобрѣтенія можно считать болѣе простую форму, то болѣе древними

изъ ряда колець различныхъ формъ намъ слѣдуетъ поставить тѣ височныя кольца, которыя имѣютъ форму небольшого несомкнутого кольца, сдѣланнаго изъ серебрянной проволоки, причемъ одинъ конецъ бываетъ изогнутъ въ формѣ буквъ S, почему въ Чехіи эти кольца и называются „есовидными“ (см. рис. 16) ¹⁾.

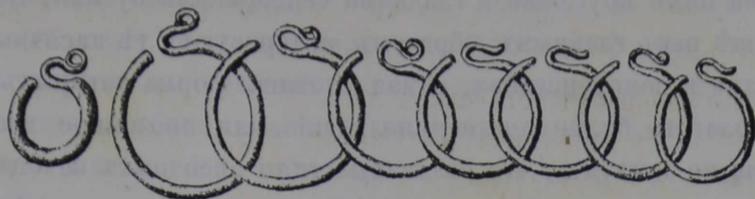

Рис. 16.

Близкую форму къ этимъ кольцамъ представляютъ кольца изъ серебрянной проволоки, уже сомкнутой и завязанной двумя узлами, напоминающими древніе золотые браслеты, недавно пріобрѣтенные Историческимъ музеемъ изъ Керчи и относящіеся къ V—VI вв., и къ издѣліямъ такъ назыв. готскаго стиля, характеризующаго вообще эпоху, ближайшую къ переселенію народовъ. Височныя кольца этого типа встрѣчаются весьма часто.

Въ Чехіи онѣ также извѣстны: по крайней мѣрѣ на миньютюрѣ Велеслава евангелія, относящагося къ XII-му вѣку, мы встрѣчаемъ ихъ изображеніе (рис. 17) ²⁾, изъ котораго можно понять и способъ ихъ ношенія въ Чехіи.

Рис. 17.

Въ нашихъ курганахъ кольца эти встрѣчаются и въ измѣненномъ видѣ, представляющемъ, по всему вѣроятію, дальнѣйшее развитіе основнаго типа: серебрянная проволока, образующая кольцо, въ трехъ

¹⁾ Рисунокъ взятъ изъ соч. Д-ра Šeněk Zibrťa «Dejiny kroje v Zemích českých». V Praze, 1891. Изъ того же сочиненія взятъ и рис. № 2.

²⁾ Височныя кольца вообще считаются многими западными учеными за несомнѣнный признакъ славянства и встрѣчаются въ могилахъ Чехіи, Моравіи, Силезіи, Познани, Пруссіи, Польши и вообще тѣхъ мѣстъ, гдѣ прежде жили славяне.

Въ Чехіи и Моравіи съ височными кольцами или «заушницами» находились и монеты; самыя древнія изъ нихъ относятся ко времени Болеслава II (967—999 г.). Въ Польшѣ по монетнымъ находкамъ височныя кольца относятся къ XI—XII вв. Но въ Венгріи находимыя височныя кольца относятъ къ VII, VI и даже V-му вѣку — къ эпохѣ переселенія народовъ. См. сочиненія Др. Нидерле и Др. Пича: Lidstvo v době předhistorické и Archaeologický výzkum ve středních Čechách.

или четырехъ мѣстахъ сплющивается, такъ что эти мѣста образуютъ ромбы, украшенные обыкновенно діагонально крестомъ изъ точекъ или двойнымъ крестомъ; эти мотивы украшеній встрѣчаются на древнихъ тканяхъ, добытыхъ изъ кургановъ и носятъ чисто народный характеръ. Болѣе рѣдкими можно считать височныя кольца изъ проволоки съ нанизанными на нихъ круглыми и гладкими серебряными бусами. Но въ данномъ случаѣ насъ главнымъ образомъ интересуютъ тѣ височныя кольца, семизубчатая и семилепестная, самая сложная форма которыхъ заставляетъ предполагать болѣе позднее появленіе или иноземное изобрѣтеніе, хотя нельзя не замѣтить, что различные типы височныхъ колецъ встрѣчаются не только въ одномъ могильникѣ, но встрѣчаются вмѣстѣ на черепѣ одного костяка, что указываетъ на тотъ фактъ, что иногда старыя формы уживались вмѣстѣ съ новыми, болѣе сложными.

Происхожденіе или изобрѣтеніе семизубчатыхъ и семилепестныхъ височныхъ колецъ съ полной достовѣрностью можно приписать Арабамъ, чему доказательствомъ служатъ слѣдующіе факты:

Въ Смоленскомъ Музеѣ древностей находится височное семи-зубчатое кольцо, найденное въ Ельнинскомъ уѣздѣ при раскопкѣ кургана вмѣстѣ съ другими обычными курганными вещами (фот. 6). Кольцо это весьма небольшого размѣра, отлито изъ серебра и носитъ на себѣ свѣжія черты подражанія арабскому оригиналу: такъ, поверхность его еще сохранила украшеніе зернью, хотя не припаянной, какъ у Арабовъ, но отлитой сразу; вмѣстѣ съ тѣмъ средній зубецъ заканчивается лунницей чисто арабскаго типа. Грубость подражательной техники указываетъ, по нашему мнѣнію, на чисто мѣстное производство этого предмета. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ мѣстнымъ подражаніемъ арабскому оригиналу; свѣжесть этого подражанія подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что это височное кольцо еще отлито изъ серебра, тогда какъ обыкновенно височныя кольца этого рода отливались уже изъ грубаго металлическаго сплава, замѣнившаго собою серебро для всякаго рода украшеній. Другое весьма рѣдкое височное кольцо было найдено Е. И. В. Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ въ одномъ изъ раскопанныхъ имъ кургановъ близъ д. Веригиной (фот. 9). Это кольцо семилепестное, т. н. московскаго типа, отлитое, по всей видимости, изъ плохаго серебра и покрытое сплошь рельефнымъ орнаментомъ характернаго арабскаго стиля; техника и чистый рисунокъ орнамента говорятъ безспорно за то, что кольцо вышло изъ рукъ арабскаго мастера: орнаментъ здѣсь состоитъ изъ стилизованныхъ травъ съ двумя главными вѣтвями. Но особенно интересна въ этомъ кольцѣ та подробность, что поверхность его лепестковъ сплошь весьма художественно заполнена этимъ

орнаментомъ, что указываетъ, по нашему мнѣнію, на тотъ фактъ, что характерный арабскій орнаментъ весьма умѣлой рукой приспособленъ къ своеобразно вырѣзной поверхности широкой части кольца; безъ сомнѣнія, такое приспособленіе арабскаго орнамента никакъ не могло совершиться среди мѣстнаго русскаго населенія, а это, вмѣстѣ съ прекрасной техникой, указываетъ, по нашему мнѣнію, не только на иноземное производство, но и на самое изобрѣтеніе формы, съ которой такъ тѣсно связывается арабскій орнаментъ. Принятое нами положеніе объ изобрѣтеніи арабами семилепестной формы височнаго кольца, мы можемъ подтвердить еще и слѣдующимъ фактомъ: отъ г. Брокара получено нами височное кольцо, добытое изъ кургановъ Московской губ. совместно съ другими обычными вещами (фот. 10). Внутренняя плоская часть кольца украшена здѣсь раздвоенной вѣткой арабскаго стиля, характерной по чистотѣ контура; мотивъ этого орнамента мы встрѣчаемъ на фрагментѣ изразца, привезеннаго изъ развалинъ одной изъ

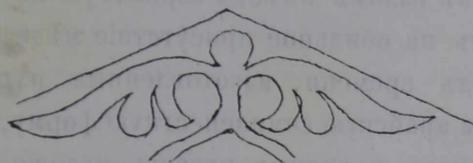

Рис. 18.

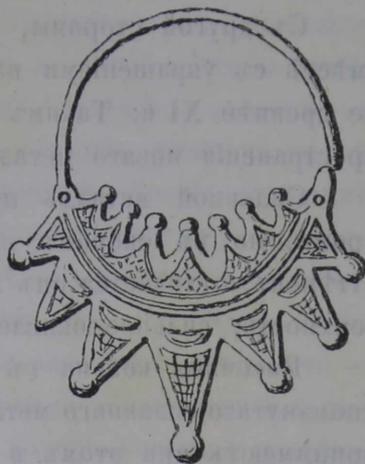

Рис. 19.

древнихъ мечетей Самарканда (рис. 18). Такимъ образомъ и это кольцо мы можемъ причислить къ арабскимъ издѣліямъ.

Вспомнимъ еще о двухъ височныхъ кольцахъ, извѣстныхъ намъ, впрочемъ, только по изображенію въ атласѣ гр. Уварова, приложенному къ его сочиненію „Меряне“. Судя по этимъ изображеніямъ височныхъ колець, одно изъ которыхъ помѣщено и въ нашемъ текстѣ подъ № 19, мы можемъ предположить, что первоначальная техника этого кольца была также арабская; на это указываетъ какъ дѣленіе серьги на семь частей, такъ и грубое воспроизведеніе на поверхности серьги арабской зерни. Вообще это височное кольцо, какъ и кольца изображенныя на таблицѣхъ подъ №№ 6, 7, 8, представляетъ чистую разновидность семилепестнаго кольца московскаго типа. Такимъ образомъ всѣ указанныя нами рѣдкія височныя кольца, съ обычнымъ расширеніемъ нижней части, раздѣленной всегда на семь частей, или представляютъ собою арабское издѣліе, какъ серьга № 9 или близкое по времени, но грубое по технику воспроизведеніе арабскаго оригинала.

Большее удаленіе отъ чисто арабскихъ издѣлій представляютъ тѣ височныя кольца, которыя находятся въ большомъ количествѣ въ курганахъ Московской и отчасти Смоленской губерній и въ силу уже своей распространенности могутъ относиться только къ мѣстному производству. Этотъ распространенный типъ височныхъ колець, сохраняя прежнюю арабскую форму, утрачиваетъ совершенно древній арабскій орнаментъ, который замѣняется другимъ, болѣе сподручнымъ для новаго металла и русскаго мастера.

Новый металлъ изъ сплава не встрѣчается, сколько намъ извѣстно, въ курганахъ съ трупосоженіемъ, гдѣ обыкновенно находятся украшенія только изъ серебра и бронзы или мѣди; эти курганы въ нашихъ раскопкахъ въ Смоленской губ. датируются началомъ X вѣка.

Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что могилы, находимыя вмѣстѣ съ украшениями изъ сплавнаго металла относятся ко времени не древнѣе XI в. Такимъ образомъ можно установить для начала распространенія новаго металла конецъ X и XI в.

Сплавной металлъ при раскопкѣ сразу легко смѣшанъ съ серебромъ, но въ скоромъ времени онъ мутнѣетъ, принимая свинцовый оттѣнокъ, отличается онъ ломкостью и въ изломѣ имѣетъ зернистую поверхность; сильное окисленіе указываетъ на обильное присутствіе мѣди.

Височныя кольца въ этотъ періодъ времени, изготовленныя изъ упомянутаго сплавнаго металла, сохраняя арабскую семилепестную форму, принимаютъ при этомъ и нѣкоторыя чисто народныя русскія художественныя черты, такъ какъ вмѣсто арабскаго орнамента народная техника и вкусъ довольствуются рубчатыми поясками, соответствующими очертаніями плоской поверхности кольца и семью острыми городками, заходящими своими остріями въ лепестки, такъ что каждому лепестку соответствуетъ входящее въ него остріе зубчика. Выраженная такимъ образомъ симметрия составляетъ характерное и постоянное явленіе. Техника этихъ городковъ и поясковъ, состоящихъ изъ черточекъ, представляется намъ уже чисто народной, такъ какъ этого рода линіи или пояски украшаютъ до сихъ поръ народныя металлическія издѣлія, какъ напр. гребешки поясные, оправы трубокъ и т. д., а въ курганныхъ вещахъ они встрѣчаются на браслетахъ, перстняхъ, гривнахъ — издѣліяхъ безъ всякаго сомнѣнія мѣстныхъ, а не привозныхъ.

Эволюція височнаго кольца однако на этомъ не останавливается и развивается далѣе въ томъ же народномъ русскомъ направленіи.

Въ Историческомъ Музеѣ находятся височныя кольца изъ Тульской губерніи; они уже имѣютъ пять лепестковъ и въ общемъ напоминаютъ фигуру вазы, такъ какъ нижній самый длинный лепестокъ не

На нѣкоторыхъ монетахъ довольно ясно видны изображеніе Георгія Побѣдоносца и надпись „князь великій Иванъ...“ На слѣдующій день, 9-го мая, рабочіе, несмотря на праздникъ, собрались для продолженія раскопокъ и нашли еще нѣсколько мелкой серебряной монеты. (Русск. Вѣд., 1895, № 128).

— 25 февраля 1895 г. воспослѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на уступку западной части Тверскаго Императорскаго Дворца подъ помѣщеніе Тверскаго историко-археологическаго музея. До сихъ поръ музей, основанный въ шестидесятыхъ годахъ, не имѣлъ собственнаго помѣщенія и занималъ одну изъ большихъ залъ мужской гимназіи. Помѣщеніе это давно стало недостаточнымъ. Съ начала семидесятыхъ годовъ стараніемъ А. К. Жизневскаго музей началъ быстро и обильно наполняться предметами Тверской древности и старины, поступавшими сюда со всѣхъ концовъ губерніи и давно уже, за тѣснотою, все, что можетъ находиться на открытомъ воздухѣ, помѣщено на дворѣ дома Архивной Коммиссіи, а очень большое количество вещей хранится въ закрытыхъ ящикахъ музея, или остается почти незамѣтнымъ въ переполненныхъ шкапахъ его. Въ тверскомъ музеѣ хранится болѣе семи тысячъ замѣчательныхъ рукописей и болѣе восьми тысячъ семисотъ древнихъ и старинныхъ предметовъ кромѣ старопечатныхъ книгъ, каменные и костяные орудія и горшки каменнаго вѣка, предметы курганнаго періода, большая коллекція бытовыхъ и церковныхъ древностей края. — Теперь, съ переходомъ во дворецъ, открывается полный просторъ къ новому обогащенію музея по всѣмъ отраслямъ его программы и дальнѣйшее преуспѣяніе этого учрежденія становится внѣ всякихъ сомнѣній.

— Въ Маріуполѣ, въ Харлампіевскомъ соборѣ, хранится крайне интересная икона св. Георгія, перевезенная въ Маріуполь выселившимися изъ Крыма греками; по преданію, она была взята изъ Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря. Икона вырѣзана рельефомъ на доскѣ и покрыта мастикою; „отъ древности мастика осыпается, дерево само отваливается; на копьѣ и панцырѣ остались слѣды позолоты“; въ описи 1859 г. объ этой иконѣ сказано, что она помѣщена „въ позолоченой съ рѣзбой рамѣ; на ней шата серебряная, вызолоченная, на поляхъ страданія святаго покрыты также серебряной шатою; на главѣ святаго серебряный вызолоченный вѣнецъ, украшенный стразами и яхонтами“. *) Снимокъ съ этой иконы, къ сожалѣнію, не достаточно удавшійся для воспроизведенія его въ печати, былъ направленъ Моск. Археол. Обще-

*) Маріуполь и его окрестности, изд. Д. А. Хараджаева, стр. 124, 125 (Маріуп. 1892).

ствомъ къ Н. В. Покровскому, который любезно сообщилъ свой взглядъ на этотъ интересный памятникъ старины. „Икона, пишетъ Н. В. Покровский, имѣетъ около 1 1/2 арш. высоты и потому, вѣроятно, предназначалась для церковнаго, а не для домашняго употребленія. Св. Георгій, изображенный на иконѣ, пользовался большимъ уваженіемъ издревле какъ въ Византіи, такъ и въ Сиріи, и въ Россіи, и особенно на Кавказѣ, гдѣ онъ, какъ каппадокіецъ по происхожденію, считался національнымъ святымъ. Эта неясность происхожденія иконы, а равно и то, что я не видѣлъ оригинала, не позволяютъ мнѣ высказаться прямо: въ Византіи или на Кавказѣ (два наиболѣе вѣроятные пункта) изготовлена она. Но гдѣ бы и кѣмъ бы она ни была изготовлена, во всякомъ случаѣ она носитъ на себѣ несомнѣнные признаки древняго византійскаго стиля. Посмотримъ на главную фигуру и композиціи по полямъ. Изображенъ воинъ съ щитомъ въ лѣвой рукѣ, снабженнымъ обычно выпуклостью (*διφαλός*), какъ на щитахъ греко-римскихъ и византійскихъ; въ правой рукѣ длинное копье; воинъ одѣтъ въ броню и тунику, выпущенную изъ подъ брони; на ногахъ, повидимому, поножи; головной уборъ не ясенъ; какъ будто тутъ есть слѣдъ восточнаго вліянія, столь обычнаго въ но искусствѣ византійскомъ, (если только это не просто волосы?). Фигура вся напоминаетъ св. воина Георгія; и это несомнѣнно св. Георгій, какъ видно изъ изображеній на поляхъ. Вверху, съ лѣвой стороны отъ зрителя, изображены Діоклитіанъ и его соратникъ; предъ ними св. Георгій въ сопровожденіи воина; это—Георгій объявляетъ себя христіаниномъ; ниже—воины ведутъ Георгія въ темницу; Георгій въ темницѣ съ закованными въ кандалы ногами, мучители накладываютъ на его грудь камень; ниже—колесованіе св. Георгія, наконецъ, въ самомъ низу, мученіе въ негашеной извести. На правой сторонѣ, вверху, біеніе Святаго воловьими жилами, или желѣзными крючьями; ниже—св. Георгій воскрешаетъ мертвеца; поселянинъ съ волкомъ, воскрешеннымъ св. Георгіемъ, стоитъ передъ нимъ въ темницѣ; Георгій обличаетъ языческое идолослуженіе; усѣкновение главы св. Георгія. Всѣ эти композиціи, за исключеніемъ одной, описаны и въ греческомъ иконописномъ подлинникѣ, который въ своей послѣдней редакціи относится къ эпохѣ возрожденія греческаго искусства, но на ряду съ новшествами удерживаетъ и многія черты отдаленной византійской старины. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло именно съ этими древними чертами. Что изображеніе св. Георгія въ видѣ стоящаго воина въ христ. иконографіи древнѣе Георгія-всадника, объ этомъ свидѣлствуютъ довольно многочисленныя памятники. Вся фигура центрального изображенія дышитъ тѣмъ величавымъ спокойствіемъ, которымъ отличаются

памятники вторичнаго процвѣтанія византійскаго искусства въ XI—XII в. Она довольно правильна и красива, но тонкія длинныя ноги даютъ понять, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ эпохою, близкою къ упадку византійскаго искусства. Въ боковыхъ композиціяхъ замѣтна значительная жизненность и простота, чуждыя того отталкивающаго реализма, которымъ щеголяютъ художники эпохи упадка. Трактованіе сценъ мученія здѣсь напоминаетъ соотвѣтствующія сцены въ миниатюрахъ ватиканскаго минологія X вѣка, и если нужно указать еще примѣръ изъ области скульптуры, то я указалъ бы на Беневентскія врата XII в., на которыхъ многочисленныя сцены изъ Евангелія трактованы съ тѣмъ же непринужденнымъ спокойствіемъ, какъ и здѣсь; тамъ и здѣсь сцены не очень сложныя, а въ фигурахъ видна правильность и красота. Въ частности по отношенію къ главной фигурѣ—центральной, мы имѣемъ аналогію въ чеканномъ изображеніи св. Георгія въ Джумати XII в., но наша икона, повидимому, не имѣетъ грузинскихъ примѣсей, очевидныхъ въ Джуматскомъ изображеніи. Техника иконы довольно высокая, соотвѣтствующая намѣченной эпохѣ; орнаментика на поляхъ изящная. Необыкновенная пластичность формъ, высота рельефа выдѣляетъ икону изъ ряда однородныхъ произведеній того времени. При первомъ впечатлѣніи у меня даже возникъ вопросъ: не имѣетъ ли близкаго соотношенія эта икона съ аеонскою рѣзбою XVI в., которая отличается подобною же высотой рельефовъ; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи иконы я оставилъ это предположеніе и объяснилъ эту особенность свойствомъ матеріала и характеромъ техники. Я оставляю въ сторонѣ нѣкоторыя детали, напр., въ костюмировкѣ, архитектурныхъ формахъ (колонна), въ строеніи пещеры погребальной и саркофага (сцена воскрешенія мертвеца), которыя прямо указываютъ на византійскую древность, но разборъ которыхъ для ближайшихъ цѣлей представляется излишнимъ. Полагаю, что, въ виду указанныхъ соображеній, икону слѣдуетъ отнести къ XI или XII в., скорѣе къ первому, чѣмъ ко второму“.

— Въ Дашурѣ найдены при раскопкахъ новыя драгоценности: золотое украшеніе временъ 12 династіи, десять гипсовыхъ статуй, изображающихъ людей въ сидячемъ положеніи, въ двойную величину человѣческаго роста, временъ 13 династіи, украшавшіе храмъ въ Узертесенѣ. Онѣ отправлены въ музей Гизе, а также и красивая барка 1,70 метровъ длиною и 60 сантиметровъ вышиною. Барка представляетъ новостъ. Она сдѣлана изъ дерева и выкрашена въ красноватую краску. На ней есть палуба и двѣ каюты, съ дверями, украшенными фигурами и надписями. На крытой палубѣ пять человѣкъ сидятъ на

полу, а на носу стоятъ капитанъ и матросъ, и два человѣка сидятъ на корточкахъ. Мачта сломана, но есть рея и длинный руль. („Спб. Вѣд.“ № 94, 1895).

— Проф. Флиндерсъ Петри въ „Royal Society“ въ Эдинбургѣ сообщилъ о своихъ новѣйшихъ раскопкахъ въ 30 миляхъ къ сѣверу отъ Оивъ въ Египтѣ. Онъ нашелъ тутъ большое число могилъ съ костями людей, жившихъ тамъ за 3,000 лѣтъ до Р. Х. и совершенно непохожихъ на египтянъ. Онъ доказалъ это не только различіемъ въ строеніи костей, но и остатками предметовъ, найденныхъ въ могилахъ. По мнѣнію Флиндерса Петри, эти кости принадлежали народу, который находился на очень низкой культурной ступени. Это — вѣтвь тѣхъ либійцевъ, переселившихся на востокъ, которые основали амонитское племя въ Сиріи. („Нов. Вр.“ № 871, 1895 г.)

V

Библиографія.

Труды Рязанской уч. архивной комиссіи, т. X, вып. 2 (Рязань, 1895).
А. Черепнинъ — „Мѣстная старина“ (продолж.): *Борковский могильникъ* (стр. 71—103). Предпославъ очеркъ исторіи изученія извѣстнаго Борковского могильника, авторъ даетъ обстоятельный отчетъ о раскопкахъ, предпринятыхъ имъ въ такъ называемыхъ Придорожномъ и Жемчужномъ буграхъ, входящихъ въ составъ названнаго могильника. Было обнаружено три вида похоронныхъ обрядовъ: 1) *простое погребеніе* (тѣло умершаго полагалось въ могилу въ лежачемъ положеніи, преимущественно на спину); 2) *трупосожженіе* (трупъ предварительно сожигался на кострѣ; затѣмъ остатки пережженныхъ костей зарывались въ могилу вмѣстѣ съ украшениями и оружіемъ; предметы въ *большинствѣ случаевъ* не имѣли на себѣ слѣдовъ дѣйствія огня); 3) *погребеніе въ сидячемъ положеніи* (тѣло умершаго помѣщалось въ могилу въ сидячемъ положеніи, при чемъ ноги были протянуты горизонтально, подъ прямымъ угломъ къ туловищу). Слѣдовъ внѣшнихъ насыпей надъ могилами не было. Глубина могилъ колебалась отъ $\frac{3}{4}$ — $1\frac{3}{4}$ арш., хотя изрѣдка были находимы могилы и на болѣе значительной глубинѣ, до $2\frac{1}{2}$ арш. Въ могилахъ съ простымъ погребеніемъ, находились большею частью остатки одного костяка (направ. головы преимущественно на СВ., СВВ., В. и С.), но въ 4-хъ могилахъ оказались остатки двухъ погребеній. Костяки въ большинствѣ случаевъ истлѣли, вслѣдствіе чего Борковский могильникъ вообще далъ лишь крайне мало матеріала для антропологическаго изученія. Въ могилахъ не было найдено остатковъ колоды или гробовъ, но довольно часто встрѣчались

куски луба (особенно въ женскихъ могилахъ), служившіе подстилкой или прикрытіемъ умершему; иногда покойникъ былъ завернуть въ одинъ большой кусокъ луба. Въ ногахъ, а иногда въ головахъ костяка, находились глиняные сосуды, въ общемъ довольно однообразные: почти всѣ они, по словамъ г. Черепнина, были темно-сѣраго цвѣта, хорошаго обжига, довольно грубой ручной работы, $2\frac{3}{4}$ —3 верш. высоты, къ дну сужены, съ прямыми вѣнчиками и съ небольшою выпуклостью боковъ подъ вѣнчикомъ; большая часть сосудовъ была лишена украшеній; на нѣкоторыхъ, впрочемъ, верхній край вѣнчика орнаментированъ наклонно-параллельными углубленіями; далѣе на одномъ—подъ вѣнчикомъ были выдавлены небольшіе кружочки, расположенные въ два ряда, въ шахматномъ порядкѣ; на другомъ горшкѣ, ниже вѣнчика, на выпуклости идетъ кругомъ рядъ наклонно-параллельныхъ короткихъ черточекъ. Кромѣ подобныхъ сосудовъ въ могилахъ были находимы еще отдѣльные черепки разбитыхъ сосудовъ, положенныхъ уже разбитыми въ могилы; эта послѣдняя находка, въ связи съ находимыми въ могилахъ угольками, слѣдами золы и пепла, приводятъ г. Черепнина къ заключенію, что во время похоронъ, надъ покойникомъ, передъ засыпаніемъ могилы, совершались религіозные обряды, сопровождавшіеся поминальнымъ питьемъ и ѣдой, при чемъ черепки разбиваемыхъ сосудовъ вмѣстѣ съ угольками, золой и пепломъ кидались въ могилу. Борковскій могильникъ доставилъ большое количество металлическихъ украшеній, желѣзнаго оружія (мечи, копья, ножи), бусъ и гончарныхъ издѣлій. Серебряныхъ украшеній было найдено сравнительно мало, а именно: три шейныя гривны, въ видѣ гладкихъ обручей изъ проволоки, утончающейся къ концамъ, двѣ небольшія фигурныя бляшки, серебряныя тонкія пластины, которыми были обложены ножны одного меча; разнообразной формы бляшки отъ поясовъ, пряжки и наконечники отъ нихъ же, три привѣски въ видѣ бутылочекъ, крупная крестообразная фибула и два колечка съ несведенными концами, найденныя въ двухъ мужскихъ могилахъ у лѣваго виска. Гривна и крестообразная фибула были изъ низкопробнаго серебра; небольшія вещи имѣли болѣе высокую пробу. Въ нѣкоторыхъ могилахъ были находимы и куски полунистлѣвшей шерстяной ткани, тонкихъ снурковъ, скрученныхъ изъ шерстяныхъ, иногда льняныхъ или шелковыхъ (въ двухъ случаяхъ) нитей, обрывки шерстяной бахромы, кожи, ремней, изрѣдка холщевой и, кажется, хлопчато-бумажной ткани. Сравнивая остатки шерстяныхъ тканей, замѣчаетъ г. Черепнинъ, легко было замѣтить различіе какъ въ качествахъ тканей, такъ и въ способахъ ихъ выдѣлки. Одни лоскутки представляли грубую, неплотную шерстяную матерію, темно-коричневаго цвѣта; на основу и утокъ шла одинаковой толщины шерстяная пряжа; другіе—представляли тонкую, болѣе плотную и тщательно вытканную шерстяную матерію; на двухъ клочкахъ, наконецъ, хорошо сохранился узоръ въ видѣ затканыхъ узкихъ долевыхъ полосокъ, расположенныхъ параллельно одна другой. Цвѣтъ тканей преимущественно темный: коричневый, темно-коричневый и почти черный.

Český lid. (Сборникъ по этнографіи Чехіи, Моравіи, Силезіи и Словеніи моравской, 6 книгъ въ годъ) 1894. Прага.

Помимо чисто этнографическаго матеріала, въ каждой книжкѣ вторую половину занимаютъ статьи по мѣстной археологіи, представляющія не малый интересъ. Представляемъ перечень этихъ статей съ краткими замѣтками объ ихъ содержаніи.

L. Niederle: „О главныхъ задачахъ (uloha) чешской археологіи“. Авторъ находитъ возможнымъ въ виду накопившагося матеріала попытаться сдѣлать систематическое изложеніе чешской археологіи, по крайней мѣрѣ, для до-историческаго ея періода. Пересмотръ этотъ показываетъ то, что сдѣлано и доступно обобщенію, а также и тѣ пробѣлы, которые наука должна восполнить. Оказывается, что даже такіе крупные вопросы, какъ существованіе неолитической культуры въ Чехіи, еще вопросы спорные *). Въ связи съ этимъ стоитъ вопросъ о первоначальныхъ поселеніяхъ Чехіи. Значительное число могилъ бронзоваго періода еще не опредѣлены этнографически, также не ясна хронологія для исторіи Чехіи за I, II, III в. по Р. Х.; роль разныхъ пришельцевъ (Бойевъ, Маркомановъ); существованіе культуры т. н. меровингскаго типа (иначе готскаго, германскаго) далеко не установлено точно и т. д. Наконецъ авторъ отмѣчаетъ крупный вопросъ, важный для хронологіи, вопросъ о керамикѣ, особенно славянской (I, 65—73). *I. Matiegka*: „Матеріалы для изученія чешскаго неолита“. Описаніе неолитическаго могильника и поселенія у Лосовиць, могилъ со скорченными костяками у Малыхъ Жерносекъ; здѣсь найдены окрашенные въ красную краску скелеты, подобные нашимъ смѣльскимъ, кievскимъ, херсонскимъ, а также западнымъ (въ Бельгіи, Англии, Франціи); въ окраскѣ авторъ статьи видитъ своеобразную татуировку, употреблявшуюся и живыми съ цѣлью украшенія и защиты тѣла (напр. отъ насѣкомыхъ) (I, 73—76; II, 177—182). *L. Šnajdr*: „Палеонтологическіе афоризмы, относящіеся къ Чехіи“. Исходя изъ устойчивости этническихъ особенностей расъ, авторъ, пользуясь статистикой современнаго населенія, пытается указать (по цвѣту волосъ и глазъ) на двѣ струи въ составѣ чешскаго племени; между прочимъ онъ въ голубоглазыхъ типахъ находитъ остатки Хорватовъ, зашедшихъ въ Чехію и жившихъ частью около Балтійскаго моря въ I в. по Р. Х. (I, 77—84; II, 172—177). *Fr. Kučera*: „Доисторическія находки въ Лонскомъ“ (Lounsko) описываетъ кладбище первыхъ временъ христіанства, могилы неолитич. эпохи у Veltež, могилы бронзоваго вѣка, остатки поселеній галльскихъ въ этой же мѣстности (I, 84—86; II, 164—171; VI, 563—568). *K. I. Maška*: „Человѣкъ дилювіального періода въ Пржедмости“—первое извѣстіе о находкѣ (II, 161—164) (см. Арх. Изв. и Зам. 1894 г., № 8—9; стр. 262). *L. Niederle*: „О позднѣйшемъ каменномъ періодѣ въ Чехіи“ (III, 257—275; IV, 350—359) (см. Арх. Изв. и Зам. 1894 г. № 89, стр. 282 и сл.). *I. Matiegka*: „О распространеніи каменныхъ

*) Авторъ—сторонникъ существованія этого періода, другіе, компетентные археологи, какъ Пичъ, Смоликъ, отрицаютъ этотъ періодъ (см. Арх. Изв. и Зам. 1894, стр. 282—3).

орудій въ Чехіи и на Моравѣ въ связи съ геологіей края“. Сравнивъ карту находокъ каменныхъ орудій съ геологической картой края, авторъ убѣдился въ тождественности территорій, откуда выводъ: жители, употреблявшіе каменные орудія, селились тамъ, гдѣ природа давала матеріаль для издѣлія; это подтверждается сходствомъ матеріала въ орудіяхъ съ геологич. строеніемъ мѣстности (III, 276—280). *Его же* „О типахъ серповъ и ихъ употребленіи въ доисторическое время“.—Попытка свести воедино и классифицировать матеріаль, собранный изъ раскопокъ въ Чехіи, у античныхъ народовъ и современныхъ дикарей (IV, 359—366). *B. Moravec*: „Hornberg (Hohenberg)“—чешское городище доисторической эпохи (III, 280—283). *J. Havelka*: „Валь и Градекъ у Милетина“—городище (IV, 366—367). *Jan Knies*—„Доисторич. находки поздней славянской эпохи на Моравѣ“. Изложивши библиографію по моравскимъ древностямъ, разсѣянную въ массѣ мелкихъ журналовъ, авторъ даетъ краткое описаніе и примѣры всѣхъ родовъ древностей, встрѣчающихся на Моравѣ: городищъ нѣсколько типовъ (древнѣйшаго типа—подковообразныя, на высотахъ, родовыя—менѣе укрѣпленныя, нѣчто въ родѣ караванъ-сараевъ, временныя и т. д.), ямъ съ культурными отложеніями, погребенія съ трупосожженіемъ (двухъ видовъ: въ могильной ямѣ и съ горшкомъ-пепельницей), обыкновенное погребеніе (уже отъ времени начатковъ христіанства). Эпоха младшая доисторическая опредѣляется авторомъ съ IV в. до XII в. по Р. Х. (I, 449—468; VI, 545—549). *I. Kučera*: „Доисторическія поселенія въ бассейнѣ Ольшавы, Влары и Сеницы въ Моравской Словеніи“. Статья по характеру сходная съ предыдущей (VI, 550—563). *Jar. Haasz*: „Сохраненіе памятниковъ и древностей“. Авторъ одобряетъ поднятый мѣстнымъ археолог. обществомъ (Společnost přátel starožitností českých v Praze) вопросъ о мѣрахъ сохраненія древностей: названное общество внесло въ мѣстный сеймъ предложеніе объ учрежденіи правительственной комиссіи для выработки подобнаго плана (IV, 366—375). „Мелкія археолог. извѣстія“; не лишены интереса между ними: извѣстіе о находкѣ костей мамонта въ Чехіи и на Моравѣ въ сочиненіи іезуита Kasp. Schotta „Fysica curiosa“ (1697 г.); фибула оригинальнаго типа (приложенъ рисунокъ), относимая издателями къ половинѣ перваго тысячелѣтія нашей эры (II, 182—184; VI, 569—573) *Niederle* „Девятый русскій археологич. съѣздъ въ Вильнѣ“—краткій отчетъ (V, 469—471).

Sitzungsberichte der gel. estnischen Gesellschaft. 1894. (Юрьевъ 1895). *Проф. Хаусманъ* въ краткой замѣткѣ подъ загл. Materialien zur liv. u. estl. Geschichte in Moskau обращаетъ вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей на документы, хранящіеся въ Моск. Архивѣ М. Юстиціи и имѣющіе отношеніе къ исторіи прибалтійскихъ губ.

Въ статьѣ Estnische Alterthümer aus der Gegend von Oberpahlen *проф. Хаусманъ* сообщаетъ о находкахъ, сдѣланныхъ случайно и путемъ раскопокъ, въ двухъ мѣстностяхъ около Оберпалена: въ им. Каннаферъ и Пайусъ;

въ послѣднемъ раскопки были произведены проф. Хаусманомъ. Въ древности указанныя мѣстности входили въ предѣлы эстонской области Саккала. По своему устройству могильникъ им. Пайусъ близко подходитъ къ могильникамъ, которые проф. Хаусманъ называетъ *Steinreihengräber*—имя, которымъ онъ предложилъ замѣнить неудачное названіе подобныхъ могилъ *корабельными*; находки въ обоихъ имѣніяхъ, состоящія изъ желѣзнаго оружія и бронзовыхъ украшеній, свидѣтельствуютъ, что въ культурномъ отношеніи оба могильника относятся къ одной эпохѣ и принадлежатъ одному народу; кромѣ того онѣ стоятъ въ ближайшей связи съ находками изъ аналогичныхъ могильниковъ о-ва Эзеля. Приписывая могильники эстонцамъ проф. Хаусманъ замѣчаетъ, что на основаніи имѣющихся въ настоящее время предметовъ, могильники могутъ быть отнесены приблизительно къ концу 1-го тысячелѣтія по Р. Х.; но находка фибулы (*Nakenfibel*) болѣе древняго типа позволяетъ ему предположить, что могильникъ служилъ погребеніемъ и въ болѣе отдаленный періодъ времени. Находки аналогичныя были сдѣланы и около Тарваста (Реума на юв. отъ Феллина). *Паст. М. Липпъ* (*Ein Fund in der Kirche zu St. Michaelis*) обращаетъ вниманіе на интересъ, который представляютъ найденные въ Эстляндіи при ремонтѣ церкви документы конца XVII и начала XVIII в.; въ числѣ этихъ документовъ находится между прочимъ перечень съ точнымъ топографическимъ указаніемъ 13-ти древнихъ могильниковъ, на которыхъ въ XVII в. эстонцы продолжали погребать умершихъ, избѣгая, быть можетъ вслѣдствіе дороговизны, церковнаго погребенія. *А. Шнейдеръ* (*Ueber nachträgliche Ausgrabungen beim Lubbenhofschen Begräbnisshügel*) даетъ свѣдѣнія о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ могильникахъ около лубенховскаго могильника, изслѣдованнаго въ предшествующемъ году г. *Шредеромъ* (см. Арх. Изв. № 4, стр. 138), при чемъ культура послѣдняго могильника оказывается болѣе древней, чѣмъ обнаруженная раскопками г. Шнейдера, нашедшаго между прочимъ и слѣды гробовъ или досокъ, на которые полагались умершіе. *Л. Шредеръ* (*Die Steinhügel-gräber v. Randen*) сообщаетъ о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ могильникѣ съ погребеніемъ на берегу оз. Вирціервъ; могильникъ состоялъ изъ невысокихъ кургановъ, сложенныхъ изъ камней; костякъ лежалъ на насыпномъ пескѣ, замощенномъ камнями. Изслѣдованъ былъ одинъ курганъ; предметовъ не было найдено. Этотъ видъ погребенія является, по мнѣнію г. Шредера, совершенно новымъ и не смотря на свою бѣдность инвентаря заслуживаетъ вниманіе изслѣдователей. *Л. Шредеръ*: *Die Begräbnisstätte des Wez-Dangen-Gesindes in Schloss-Salisburg*. Раскопки г. Шредера въ названной мѣстности обнаружили могильникъ по устройству и по инвентарю сходный съ лубенховскимъ, вслѣдствіе чего онъ и приписываетъ его латышамъ; лично изслѣдователемъ не было найдено монетъ, но на основаніи монетъ, найденныхъ крестьянами, г. Шредеръ склоненъ относить погребеніе къ XVI—XVII вв. Въ замѣткѣ *Die archäologische Excursion des Sommers 1889* *Л. Шредеръ* даетъ обстоятельный отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ, гг. Лешке, Хаусманомъ, Бемомъ и др.

во время ихъ поѣздки на Эзель и въ разныя мѣстности Лифляндіи; особое вниманіе заслуживаютъ раскопки невысокихъ кургановъ съ погребеніемъ (прибл. 1 метръ выс.) въ имѣніи Аллашъ; костяки лежали на поверхности земли (напр. СВ—ЮЗ), въ головахъ или ногахъ находился глиняный сосудъ среди предметовъ (оружіе, бусы, бронз. украшенія) были найдены и щитовыя образныя фибулы съ монетой Этельреда; раскопка городища ок. Фрейденберга дала большое количество черепковъ глиняной посуды, костей и костяныхъ орудій (бронзовыя украшенія были прежде находимы на городищѣ случайно въ могилахъ около городища при одномъ изъ костяковъ былъ найденъ римскій шиллингъ.

Bibliothèque de l'école des Chartes (т. LV, вып. 5-й, 1894) Г. Меранвилль напечаталъ по рукописи Націон. Библіотеки весьма интересный памятникъ, сообщающій свѣдѣнія о Тамерланѣ (*Mémoire sur Tamerlan et sa cour par un dominicain en 1403*). Въ іюнѣ 1403 г. прибылъ въ Парижъ съ востока епископъ города Султанеи Іоаннъ съ порученіемъ отъ Тамерлана вручить письмо королю Карлу VI; посольство имѣло цѣлью завязать торговыя сношенія. Для популяризаціи цѣли своего посольства и для ознакомленія современниковъ съ покорителемъ Азіи епископъ издалъ на французскомъ языкѣ небольшой трудъ, въ которомъ онъ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Тамерлана; въ латинскомъ переводѣ, весьма близкомъ къ французскому подлиннику, трудъ еп. Іоанна былъ помѣщенъ въ *Chronographia regum Francorum* подъ 1403 г., вслѣдъ за разсказомъ о прибытіи епископа въ Парижъ. Въ рядѣ небольшихъ главъ епископъ знакомитъ своихъ современниковъ съ личностью Тамерлана; описываетъ исторію его возвеличенія, останавливается на его внѣшности, характерѣ, личныхъ вкусахъ и на составѣ его семьи; далѣе перечислены границы новой монархіи, разсказывается о способахъ ея управленія, дворѣ Тамерлана и, наконецъ, рядомъ съ историческими свѣдѣніями о его побѣдахъ, помѣщено и нѣсколько анекдотовъ изъ его жизни. Кромѣ интереса, который представляетъ вообще опубликованіе подобнаго памятника, изданіе г. Меранвилля особенно цѣнно въ томъ отношеніи, что въ примѣчаніяхъ издателемъ указаны черты сходства и различія повѣствованія еп. Іоанна съ разсказами нѣкоторыхъ другихъ современниковъ о Тамерланѣ.

В I и II (въ одной книгѣ): Древности ка-
меннаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр.
С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.
Вып. VII. Монеты Восточнаго царства и
древне-греческихъ городовъ, находившихся въ
редѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами.
Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.
Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе
Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр.
А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря
въ Ярославѣ, ц. 9 р. 50 к.
Византійскій Альбомъ — посмертное изд. гр.
А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.
Уступка книгопродавцамъ и бібліотекамъ
учебныхъ заведеній 25%.
Продаются въ собственномъ домѣ Общества,
въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Ка-
меннаго моста.
Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей объявляетъ,
что съ 1-го января 1894 года, учреждается на средства, пожертвованныя
г. Почетнымъ членомъ Общества Александромъ Львовичемъ Вертье-Делагар-
домъ, единовременная премія, въ размѣрѣ 600 р. с. за лучшее рукописное и ори-
гинальное сочиненіе по исторіи и археологій Новороссійскаго края и преиму-
щественно Крыма, на какомъ либо изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе пред-
ставляется на имя Общества Исторіи и Древностей въ Одессѣ къ 1-му января
1896 года и послѣдующихъ годовъ, до тѣхъ поръ пока на данную тему не
будетъ выдана награда, или самая тема не будетъ снята съ очереди (§ 5), при
девизѣ и съ указаніемъ имени автора, въ запечатанномъ конвертѣ. Присужде-
ніе преміи состоится не позже апрѣля соотвѣствующаго года.

Пользуясь правомъ предоставленнымъ жертвователемъ, Общество объяв-
ляетъ, что премія предпочтительно будетъ выдана за сочиненія на слѣдующія
четыре темы (изъ нихъ первыя двѣ оставлены отъ минувшаго года на конкурсъ).

1. Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писате-
лей, равно по эпиграфическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго
времени до эпохи Юстиніана.
2. Историко-Этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья
въ VIII, IX и X вѣкахъ.
3. Торговля сношенія колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря въ
эпоху древняго міра.

4. Южная Русь и Византія, въ ихъ сношеніяхъ, въ XI столѣтіи.
Премированное сочиненіе печатается на средства Общества, обязательно
на русскомъ языкѣ, причемъ автору выдаются отписки.
За дальнѣйшими разъясненіями просятъ обращаться къ вице-президенту
Общества В. Н. Юргевичу въ Одессѣ.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, Общество объявляетъ, что въ его рас-
поряженіи находятся еще двѣ преміи: первая — имени **Димитрія Максимовича**
Княжевича, на проценты съ капитала 2000 руб., въ теченіе 5 лѣтъ, срокъ коимъ
истекаетъ къ 14-му ноября 1899 г., за выдающійся ученый историко-археологичес-
кій трудъ по вопросамъ, касающимся юга Россіи, и вторая — **Одесской Городской**
Думы — безсрочная въ 500 руб. за сочиненіе по археологій и исторіи Новороссій-
скаго края.

970 М.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1895-мъ году (3-й годъ изданія) по тѣ же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

- 1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.
- 2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.
- 3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Старога Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).
- 4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три рубля исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

- 1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замятокъ“ или же
- 2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва Историческій Музей, на Красной Площади.